

Право на жизнь и автономия личности: разрешение коллизии в сфере оказания медицинской помощи населению.

Научный руководитель – Шустров Дмитрий Германович

Федченко Юлия Васильевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: iulia.fedchenko@yandex.ru

Основополагающие правовые акты как национального, так и международного уровня содержат перечень основных прав и свобод человека, не закрепляя при этом какой-либо иерархии. Однако на практике перед судами часто встает проблема разрешения коллизии, своеобразной конкуренции таких прав. «Что важнее право на жизнь или автономия и свобода личности?» - именно такие вопросы приходится решать правоприменителям и международным судебным органам, используя при этом собственную аксиологическую цепочку. Именно вопрос соотношения вышеназванных прав в рамках сферы оказания медицинской помощи мне и хотелось бы осветить в данной работе, обратив особое внимание на следующие аспекты: институт добровольного согласия и отказ от медицинского вмешательства, значение выражения воли при трансплантации и лишении жизни по просьбе пациента.

Обычной практикой государств стало введение в законодательство об оказании медицинской помощи населению принципа информированного согласия, оформление которого часто связывают с решением Апелляционного суда Нью-Йорка по делу *Schloendorff v. Society of New York Hospital* в 1914 году [7], хотя сам термин «добровольное согласие» сложился во второй половине 1940-х годов после окончания Нюрнбергского процесса, а термин «информированное согласие» - в 1957 году [6]. В российском законодательстве необходимость дачи согласия на медицинское вмешательство лицом или его законным представителем закреплена в ст. 20 ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" от 21.11.2011 N 323-ФЗ, но и предусматривается право медицинской организации обратиться в суд для защиты интересов лица для спасения его жизни. Большую актуальность проблема отказа от медицинского вмешательства приобрела в отношении членов такой религиозной организации как Свидетели Иеговы ввиду их отказа от переливания крови, особенно вследствие выраженной ЕСПЧ позиции, в соответствии с которой интересы пациента, связанные с определением своего собственного жизненного пути должны иметь приоритет над интересами государства по охране жизни и здоровья лица.

Если перейти к проблеме значения воли в сфере трансплантации органов и тканей, то необходимо начать с возможных законодательных моделей. Таковых две: презумпция несогласия и, соответственно, презумпция согласия, воспринятая российским законодательством в отношении трансплантации органов и тканей у трупа. зафиксированная в ст. 8 Закон РФ от 22 декабря 1992 г. N 4180-I "О трансплантации органов и (или) тканей человека". С другой стороны, в ст.5 Федерального закона от 12 января 1996 г. N 8-ФЗ "О погребении и похоронном деле" закрепляется абсолютно противоположное положение. Однако помимо конкуренции актов налицо и проблема отсутствия процедуры для реализации гражданами Российской Федерации конституционного право на выражение,

фиксацию и доведение до уполномоченного органа (ввиду отсутствия такого органа) своего прижизненного волеизъявления о несогласии на изъятие у них органов и (или) тканей после смерти [3]. Несмотря на признание КС положений Закона о трансплантации соответствующими Конституции (Определения от 16.10.2003 N 329-О и от 10.02.2016 N 224-О), сложность вызывает позиция ЕСПЧ по делу «Петрова против Латвийской Республики», в котором при условии аналогичного регулирования вопроса было установлено нарушение ст. 8 ЕКПЧ. Однако стоит отметить, что при учете статистических данных о количестве трансплантаций [8], особенно в сравнении с наиболее развитыми в этом отношении странами, становится очевидным, что отказ от презумпции согласия, предлагаемый в ряде научных работ, невозможен.

Наконец, пришло время рассмотреть взаимодействие права на жизнь и автономию личности в рамках института эвтаназии. Для обоснования существования права на содействие ухода из жизни учеными использовались различные приемы: создание особой категории соматических прав личности [5], расширительное толкование права на жизнь, могущего включать и право на смерть [1, 2]. Однако даже ЕСПЧ отверг возможность столь расширительного истолкования: «содержание Статьи 2 Конвенции - если, конечно, не исказить ее текст - невозможно интерпретировать как предоставляющую людям право на смерть» (Претти против Соединенного Королевства). Однако довольно спорным при этом является решение по делу «Ламбер и другие против Франции», ибо Суд пришел к выводу об огромной широте усмотрения государства в условиях отсутствия консенсуса стран-членов Совета Европы по вопросу о возможности прекращения лечения вследствие неразумного упорства, тем самым дав зеленый свет процедуре пассивной эвтаназии при отсутствии четко выраженной воли лица по этому поводу [4]. Если говорить об активной эвтаназии, практика ее легализации незначительна, а потому Российский запрет эвтаназии в любой форме (45 Федерального закона № 323) соответствует демократическому подходу, согласовываясь и с нравственными устоями российского общества.

Мне кажется, что при разрешении сложной коллизии двух основополагающих прав абсолютно нивелируются права 3-х лиц, например, врачей, которые в случае отказа лица от медицинского вмешательства или его решения об эвтаназии, должны нести бремя невозможности исполнения своих обязанностей по спасению жизни. В отношении трансплантации я разделяю мнение законодателя о необходимости презумпции согласия в отношении умершего, ибо это может спасти жизни других, а умершему воздаст добрую память от спасенных. И, наконец, в отношении лиц, попавших в ситуацию Винсента Ламбера, бремя принятия решения должно лежать на близких, и покуда последние готовы бороться с последствиями травм и болезней, необходимо решать в пользу жизни.

Источники и литература

- 1) Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Право на физическую свободу // Государство и право. 2005. N 3
- 2) Дмитриев Ю.А., Шленев Е.В. Право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии // Государство и право. 2000. N 11
- 3) Евдокимов В.Б., Тухватуллин Т.А. Проблемы реализации конституционного права человека на отказ от трансплантации его органов и тканей: конституционно-правовое исследование// "Конституционное и муниципальное право", 2014, N 1
- 4) Ковлер А.И. Право на жизнь и "автономия личности": Постановление Большой Палаты Европейского суда по правам человека по делу "Ламбер и другие против Франции", "Международное правосудие", 2015, N 3

- 5) Крусс В.И. Личностные ("соматические") права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. N 10
- 6) Погодина, Т. Г. К вопросу о добровольном информированном согласии на медицинское вмешательство как неотъемлемое право пациента//Вестник Нижегородской академии МВД России, 2015 № 2
- 7) Помазкова, С.И. Соотношение права на жизнь и права на свободу при оказании медицинской помощи «Медицинское право», 2016, N 1
- 8) <https://ria.ru/society/20160426/1420364625.html>